

Не думайте, что мертвые не слышат, когда о них живые говорят

Уч. газ. - 1995. - 10 окт. - с. 24.

Слышат. Но ответить не могут.

И только чувство и сознание того, что мертвые не могут ответить живым, заставляет взяться за перо, ибо статья Марка Дейча, опубликованная 2 сентября в газете «Вечерний клуб», не заслуживает сколько-нибудь серьезного отношения. Его попытка развенчать кумира бьет вхолостую - ведь еще в прошлом веке Пушкин в своем стихотворении «Поэт» открыто заявил, что «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он», поэт. И, возможно, лучшим ответом Марку Дейчу на его, как он сам изволил выразиться, «одинокий фальцет» стали бы слова Пушкина же из его письма Вяземскому по поводу уничтожения записок Байрона: «Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. Охота тебе видеть его на стульчаке. Толпа... в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могучего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы! Врете, подлецы: он и мал, и мерзок - не так, как вы, - иначе!»

Впрочем, в статье Марка Дейча есть и позитивный момент: сам того не желая, он затронул очень важную проблему фальсификации творчества неугодного и даже после смерти своей опасного поэта. Ведь есть различные способы запретить. Если нельзя загнать в подполье, то можно поставить на верхнюю полку - и оставить там пылиться на виду. А кого из поэтов миновала сия участь? И не является ли она уделом каждого из властителей дум и душ людских? Сглаживание углов, перестановка акцентов, чуть громче дифирамбы, побольше сахара и слез - и вот он готов, тот портрет поэта, который сам Высоцкий нарисовал в своей песне «Памятник»:

Я хвалился косою саженью - нате, смертьте!
Я не знал, что подвергнусь суженью после смерти.
Но в обычные рамки я всажен - на спор вбили,
А косую неровную сажень распрямили.

И с меня, когда взял я да умер,
Живо маску посмертную сняли
Расторопные члены семьи.
И не знаю, кто их надоумил,
Только с гипса вчистую стесали
Азиатские скулы мои.

Мне такое не мнилось, не снилось,
И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей.
Но поверхность на слепке лоснилась,
И могильною скукой сквозило
Из беззубой улыбки моей.

Я при жизни не клал тем, кто хищный, в пасти
палец,

Подойти ко мне с меркой привычной опасались.
Но по снятии маски посмертной - тут же, в ванной -
Гробовщик подошел ко мне с меркой деревянной.

А потом по прошествии года,
Как венец моего исправленья,
Крепко сбитый литой монумент
При огромном скопленьи народа
Открывали под бодрое пенье -
Под мое с намагниченных лент.

Тишина надо мной раскололась,
Из динамиков хлынули звуки,
С крыш ударил направленный свет.
Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.

Я немел, в покрывало упрятан, - все там будем!
А орал в то же время кастратом в уши людям.
Саван сдернули. Как я обужен - нате, смертьте!
Неужели такой я вам нужен после смерти?

Он написал точный сценарий того, как будет происходить подмена правды ложью после его смерти. Так же, как и Пушкин некогда увидел себя глазами бесчисленных потомков в своем «Памятнике», который М.Гершензон метко определил как «один подавленный вздох».

Ну что ж, спасибо Марку Дейчу, что своей статьей заставил осмыслить то, что происходит вокруг имени, личности и творчества Высоцкого. Ничего, скоро отойдут в небытие толпы друзей и родных, и тем, кто будет жить после нас, останется в наследство лишь живой голос поэта.

Только немного страшновато: а что как «современные средства науки» сделают свое черное дело, и песни, столько времени ранившие наши души, станут лишь ласкать слух? Уж слишком многое доверил поэт голосу, стремясь расколоть ту мертвую тишину, в которой жила «опухшая от сна» Россия.

Елена КОРКИНА